

Бакланова Ирина Семеновна
канд. ист. наук, доцент
ФГБОУ ФПО «Московский государственный
технический университет
гражданской авиации» (МГТУ ГА)
г. Москва

К ВОПРОСУ ОБ УЧАСТИИ КАЗАЧЕСТВА В БЕЛОМ ДВИЖЕНИИ: ПО МАТЕРИАЛАМ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Аннотация: в статье рассматриваются точки зрения отечественных исследователей по поводу политики большевистской власти как одной из основных причин перехода части казачества в ряды Белого движения. Особое внимание уделяется последствиям принятия и реализации циркулярного письма Оргбюро ЦК РКП(б) от 24 января 1919 г.

Ключевые слова: историография, Гражданская война, казачество, политика большевиков, Белое движение.

В работах как отечественных, так и зарубежных исследователей не вызывает сомнение положение о том, что одной из основных сил антибольшевистского движения являлось казачество. Об этом, в частности, достаточно определенно высказались хорошо знавшие суть вопроса эмигрантские авторы. По мнению участника Белого движения, известного журналиста, военного корреспондента в Добровольческой армии, Г.Н. Раковского, борьба большевистского Севера и белого Юга не была бы «столь кровопролитной и упорной», если бы не деятельное участие казачьих областей, чьи вооруженные формирования стали ядром ВСИОР. Да и временные успехи армий А.В. Колчака на Востоке страны данный автор обосновал так же, как и на Юге, поддержкой казаков и «оказанного» сибирского крестьянства [8, с. 337]. Аналогичные суждения приводятся в работах советских авторов. Например, по мнению Н.Е. Какурина, являвшегося одним из первых большевистских военных историков, «основанием» белых армий Восточного фронта стали вооруженные формирования Оренбургского и

Уральского казачества. Такое же положение имело место и на Юге страны [3, с. 156]. Отсюда, естественно, напрашивается вывод о том, что именно та антибольшевистская позиция, которую заняло войсковое руководство и значительная часть рядовых казаков, придала Гражданской войне более ожесточенный характер, оттянув сроки ее завершения. В данной связи, анализ проблематики заявленной темы дает возможность лучше понять расстановку общественных сил, подойти к разрешению вопроса об итогах противостояния в Гражданской войне. В то же время историографические работы помогают подытожить труды исследователей в данном направлении, привлечь внимание историков к наиболее актуальным проблемам темы.

Базировавшаяся на классовом принципе, советская историография характеризовала Гражданскую войну в соответствии с положением В.И. Ленина как «наиболее острую форму классовой борьбы» [5, с. 215]. Определялось, что она, с одной стороны, велась пролетариатом, возглавлявшим трудящиеся массы, с другой – буржуазией, объединившей все эксплуататорские слои населения. В данной связи крестьянин-бедняк признавался советскими историками верным союзником рабочего класса, поддерживающим советскую власть, середняк – колебался, кулак, естественно, занимал враждебную позицию. Аналогичная градация действовала и по отношению ко всему казачеству, чей антибольшевистский настрой, в частности, объяснялся наличием более многочисленного, чем в остальных губерниях России, кулацкого слоя и его более равномерным распространением на территории казачьих войсковых областей [3, с. 46].

Сложнее советским историкам было определить основные причины негативного отношения к большевистской власти так называемого «трудового казачества», ибо это требовало признания имевших место в период Гражданской войны политических ошибок. В работах первых лет советской власти, носивших часто агитационно-пропагандистский характер, историки делали упор на обман казачьей бедноты и середняков атаманами, офицерами и казачьей буржуазией, претендовавших, якобы, на защиту интересов всей сословной группы. На самом деле они боролись, по мнению большевистских историков, за сохранение своего

господствующего положения, ибо, как указывал, в частности, один из первых исследователей Гражданской войны Д. Кин, новая власть собиралась отнимать вольности и землю только у эксплуататоров [4, с. 5–6].

Однако попытки дать объективный анализ причин перехода значительной части казачества в антибольшевистский лагерь приводили в дальнейшем советских историков к неизбежной констатации или «нетактичности» действий красных вооруженных формирований по отношению к местному населению, или даже, – применения «насилия разного рода» [3, с. 201]. Известный отечественный исследователь Гражданской войны Л.М. Спирин констатировал, что ни летом 1918 г., ни в первой половине 1919 г. рабочему классу не удалось не только «перетянуть» трудовое казачество на свою сторону, но даже нейтрализовать его [9, с. 242, 324]. Данное положение ученый связал, в частности, с реализацией печально знаменитого циркулярного письма Оргбюро ЦК РКП(б) от 24 января 1919 г., на основании которого стали проводиться активные мероприятия по «расказачиванию» (т. е. слому многовекового уклада жизни казаков): станицы переименовывались в деревни и села; запрещалось носить соответствующую одежду и т. д. Даже само слово «казак» изгонялось из обихода. Принятие и жесткий тон циркулярного письма, Л.М. Спирин объяснил теми «страшными зверствами», которые чинили казаки над рабочими и бедными крестьянами (что, в принципе, подтверждается данными и постсоветской историографии [1, с. 237]). Нарушение же классового подхода (пострадало большинство казаков, в том числе их «трудовая» часть) связывалось с нечеткостью формулировок документа, а отсюда – ошибками в действиях местных партийных и советских работников. Последние, по мнению ученого, не смогли перестроиться и после приостановки 16 марта 1919 г. мер январского циркулярного письма. В результате весной 1919 г. донские казаки восстали [9, с. 322–324].

В постсоветской историографии, декларирующей намерение рассматривать явления Гражданской войны без предвзятости выводов, не объявляя заранее «хорошими» то красных, то белых, а определяя всех участников соответствующих событий «нашими людьми», январское письмо Оргбюро ЦК РКП(б) называется

«страшным» [7, с. 390; 5]. Причем, современные отечественные авторы, чаще всего, отвергают попытки советской историографии оправдать проводившуюся политику только ошибками местных властей, а террор – исключительно революционной необходимостью. Коротко их аргументы таковы: подписан указанный документ был одним из руководящих работников партии, председателем ВЦИК Я.М. Свердловым. Среди видных деятелей большевиков было достаточно много сторонников ликвидации казачества как особой социальной группы. К таким можно отнести И.И. Вацетиса, С.И. Сырцова, Р.С. Землячку, И.Э. Якира. Принимали соответствующие документы люди, не знавшие жизнь казаков и поэтому не понимавшие последствий реализации данных решений. Что же касается ревкомов и военных трибуналов, то в них часто входили люди «озлобленные», «сводившие личные счеты», к тому же не принадлежавшие «к коренным народам России». Из этих положений делается вывод о том, что формулировку о «беспощадном массовом терроре» по отношению ко всем казакам, «принимавшим какое-либо прямое или косвенной участие в борьбе с советской властью», нельзя назвать случайной. Любой же террор, какую бы окраску он не носил, объявляется деструктивным [7, с. 390; 5, 399, 401, 400, 404]. (Заметим в скобках, что в литературе русского зарубежья казачество рассматривалось в качестве естественного союзника антибольшевистских сил. Так, например, генерал А.С. Лукомский, последовательно занимавший должности начальника штаба Добровольческой армии у генерала Л.Г. Корнилова, затем – начальника военного управления, помощника главнокомандующего и председателя Особого совещания при генерале А.И. Деникине, в своих «Воспоминаниях» писал, что выбор места для формирования Белой армии объяснялся предположениями о невосприимчивости Донского, Кубанского и Терского казачества к идеям большевизма [6, с. 274]. По мнению полковника Императорской армии А.А. Зайцова, одной из причин неприятия казачеством большевизма являлось противоречие между «особым корпоративным казачьим духом и укладом жизни» и «нивелирующими стремлениями большевиков» [2, с. 10]).

Таким образом, подводя итоги, следует отметить, что в историографии наработан определенный опыт исследования темы. В настоящее время, в связи с провозглашенным принципом освобождения от диктата идеологии, появилась возможность благодаря анализу всего существующего и в России, и за рубежом массива источников, концепций советских, эмигрантских, западных авторов выйти на новый уровень понимания темы.

Список литературы

1. Булдаков В.П. Красная Смута. Природа и последствия революционного насилия. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1997. – 376 с.
2. Зайцов А.А. 1918 год: Очерки по истории Русской гражданской войны. – Б. м., 1934. – 275 с.
3. Какурин Н. Как сражалась революция. – Т. 1: 1917–1918 / Под ред. Н.Н. Попова. – М.-Л.: Государственное издательство, 1925. – 269 с.
4. Кин Д. Деникинщина на Украине. – Б. м.: Книгоспілка, [1927]. – 49 с.
5. Ленин В.И. Русская революция и гражданская война // Полн. собр. соч. – 5-е изд., доп. – Т. 34. – С. 214–228.
6. Лукомский А.С. Воспоминания. – Т. 1. – Берлин: Кирхнер, 1922. – 300 с.
7. Плеханов А.А. Казачество на рубежах Отечества / А.А. Плеханов, А.М. Плеханов. – М.: Вече, 2009. – 464 с.
8. Раковский Г.Н. В стане белых (от Орла до Новороссийска). – Константинополь: Пресса, 1920. – Т. VI. – 340 с.
9. Спирин Л.М. Классы и партии в гражданской войне в России (1917–1920). – М.: Мысль, 1967. – 438 с.